

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДА

И. Н. Дьяченко, Т. Н. Малиновская

Ключевые слова: эмоциональная доминанта, доминантный смысл, речевая деятельность, перевод, мотив, эмоции.

Keywords: emotional dominance, dominant meaning, speech activity, translation, motive, emotions.

DOI 10.14258/filichel(2022)1–10

На современном этапе одной из актуальных тенденций лингвистической науки является признание потребности выхода в область психических процессов индивида и сферу экстралингвистики. Исследователи современных подходов к процессам восприятия и понимания текста подчеркивают необходимость расширения рамок лингвистики в поисках того, что, собственно, лежит в основе понимания текста. Ученые разрабатывают возможные подходы к структурированию процессов восприятия и понимания текста, выявляют факторы, способствующие пониманию, связанные так или иначе с вариативностью интерпретации текста как продукта речевой деятельности индивида. Моделирование смыслового восприятия текста производится с различных позиций и находится в непосредственной связи с решением большого количества вопросов теоретического и практического характера.

По мнению Ю.А. Сорокина, понятие «экстралингвистические факторы», которое, несомненно, влияет на процесс смыслового восприятия текста реципиентом, до сих пор относится к числу недостаточно определенных. Указанное понятие «может быть определено лишь метафорически: экстралингвистические факторы — это броуново движение частиц мысли, дела и логоса, взвесь мысли и дела в Слове» [Сорокин, 1998, с. 33].

В процессе восприятия смысла текста определяющим является «межтекстовая компетентность» реципиента, поскольку любой текст воспринимается в рамках читательского опыта. Именно «межтекстовые читательские фреймы», по утверждению У. Эко, являются способом перекодирования воспринимаемого текста, и он (текст) способствует в свою очередь расширению глобального «интертекстуального фрейма». Различием фреймов у реципиентов объясняются различные варианты интерпретации одного и того же текста [Есо, 1984]. Именно поэтому при каж-

дом прочтения одного и того же художественного текста возможно открытие все новых смыслов его содержания, в том числе эмотивных.

Современная наука подчеркивает взаимопроникающий характер аффективных и когнитивных процессов буквально на самых ранних этапах жизни человека и самое главное — мотивирующую роль эмоций в любом виде его деятельности. По мнению многих исследователей, эмотивный компонент присутствует в любом высказывании [Stevenson, 1974], поскольку даже элементарное сообщение о каком-либо факте обязательно меняет что-либо в психическом состоянии реципиента. Общечеловеческое выражение эмоций являет собой психолингвистическую закономерность. Однако не существует специальных языковых правил, которые могли бы одинаково управлять выражением эмоций абсолютно всех индивидов. По утверждению В. И. Шаховского, «опираясь на тезис о единстве рационального и эмоционального в мышлении и сознании, мы с неизбежностью должны прийти к выводу о том, что любое слово не только теоретически, но и практически является эмоционально окрашенным. Яркость этой окраски может быть различной в зависимости от эмоционального состояния человека, но в процессе речепроизводства она всегда присутствует в ядерной или периферийной части семного поля слова, «высвечиваясь» с большей или меньшей интенсивностью» [Шаховский, 1998, с. 68]. Смысл текста в процессе его восприятия реципиентом распредмечивается и структурирует варианты интерпретации индивида, которые обладают когнитивно-эмотивным разнообразием.

Перевод является определенным видом речевой деятельности, поскольку деятельность переводчика в целом и ее конечный результат являются собственно результатом смысловой перцепции текста и его оценки. Так, в основе деятельности переводчика располагаются универсальные механизмы речепорождения и речевосприятия. Между исходным текстом и текстом перевода возможны именно отношения гомокультурности, а именно определенное соответствие между объектами, когда одно из них есть модель другого.

Художественные тексты играют важную роль в процессе осознания индивидом эмоциональных состояний. Указанные тексты содержат информацию о национальном самосознании, репрезентируют определенного рода реалии и представления в области эмоций, чувств, оценок. В любом художественном тексте присутствует различное число доминантных эмоций, которые динамически развиваются в каждом конкретном контексте. Эмоции встроены в структуру сознания соответственно и продуцента, и реципиента текста. Так, когнитивия и эмоции присутствуют неотделимо как в процессе речепорождения, так и при интерпрета-

ции речевого произведения. Когнитивисты подчеркивают, что «в основе аффекта и познания лежат одни и те же механизмы, а переменные, которые принято рассматривать как различающие эти области..., на самом деле связаны с обоими, точнее — со способом переработки информации [Мягкова, 1990, с. 124]. В этой связи вполне объясним возрастающий интерес ученых к исследованию эмоционально-мотивационной сферы сознания и ее воздействия на процессы речевой деятельности индивида [Буряков, 2015; Коростова, 2015; Топка, 2018].

В рамках психолингвистической парадигмы эмоциональность текста трактуется как репрезентация в тексте ведущего мотива речевой деятельности человека, единственным представителем которого соответственно на уровне психического отражения являются эмоции. «Эмоция — это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [Изард, 1980, с. 27]. Эмоциональные процессы мотивируют разнообразные виды деятельности индивида и участвуют в процессах смыслообразования. По природе континуальное мыслительное содержание трансформируется в дискретные единицы языка, репрезентируя смысловую доминанту в структуре текста. Проведенные А. В. Кинцель исследования позволяют «говорить об эмоциональности как необходимой, обязательной, сущностной характеристике текста... об эмоциональном компоненте доминантного смысла, который регулирует восприятие текста» [Кинцель, 2000, с. 37]. Исследователь подчеркивает, что репрезентировать эмоциональный личностный смысл могут любые лексемы текста. Эмоция как понятие психологическое, будучи репрезентированной языковыми единицами языка, обуславливает эмоциональность как текстовую характеристику, которая в свою очередь является психолингвистической категорией. Таким образом, исследователь признает наличие эмоциональной доминанты в любом тексте, убедительно доказывая это серией экспериментов. Указанная доминантная эмоция в различных текстах может быть реализована по-разному в зависимости от специфики мотива речевой деятельности. Подобное понимание эмоциональности обуславливает трактовку текста как деятельности, направленной на порождение и восприятие личностных смыслов. Вышеназванные исследования выявили, что эмоциональные и смысловые структуры текста репрезентируются совокупностью одних и тех же языковых средств, что верифицирует единую эмоционально-смысловую структуру текста. Л. С. Выготский подчеркивал: «...кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [Выготский, 1996, с. 13].

Особенно важную роль эмоциональность играет применительно к художественному тексту, поскольку здесь эмоции автора представляются важными не сами по себе, а в отношении того, что они фиксируют доминантные смыслы, которые лежат в основе понимания текста.

Понятие эмоциональной доминанты художественного текста наиболее последовательно представлено в трудах В. А. Пищальниковой, где экспериментально верифицируется положение о том, что эмоции «до известного момента являются единственным смыслообразующим центром художественного произведения» [Пищальникова, 1999, с. 104]. Эмоция как компонент концепта может актуализироваться в зависимости от вида деятельности индивида, структурируя смыслы. В художественном тексте эмоциональный компонент концепта является тем фактором, который акцентирует его смыслы и определяет характер его восприятия и понимания. Эмоции автора художественного текста представляются особенно важными, поскольку, будучи репрезентированными в тексте, они фиксируют его доминантные смыслы. В структуре текста эмоции выражаются языковыми единицами, которые репрезентируют его смысловую структуру.

Реципиент интерпретирует представленные в структуре художественного текста эмоции на основании своей концептуальной системы. При этом ведущая эмоция художественного текста перцептируется реципиентом как его эмоциональная доминанта, а соответственно производные эмоции как модификация доминантной. Поскольку эмоциональная доминанта является фактором, который направляет восприятие текста реципиентом в определенное системой эмоций русло, все вышесказанное становится актуальным для переводческого процесса. Перевод как один из видов речемыслительной деятельности с неизбежностью подчиняется общим законам психической деятельности и также регулируется эмоциями. По утверждению Н. А. Галеевой, «перевод... сам является речевой деятельностью по заданной в оригинале программе, ... определяющей способы дальнейшей деятельности переводчика с исходным текстом и построение текста перевода, максимально близкого содержательной программе тексту оригинала» [Галеева, 1997, с. 18]. В рамках представленного подхода переводчик является активным субъектом деятельности, связанной с интерпретацией концептуальной системы автора, представленной в тексте оригинала. В. П. Белянин подчеркивает, что «наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, тезаурус и эмоциональная структура личности которых совпадают с авторскими» [Белянин, 1988, с. 107]. При этом под тезаурусом ученый понимает систему знаний о мире или описываемом объекте, т. е. концепту-

альную систему индивида. Уровень восприятия текста на иностранном языке зависит от близости концептуальных систем и эмоционально-волевых структур автора и переводчика, а также уровня владения языками. Наличие сходных эмоционально-смысловых структур в сознании производящего и воспринимающего речевое произведение существенно повышает уровень восприятия текста реципиентом. Таким образом, восприятие смысла речевого произведения основано прежде всего на базе общих психологических паттернов. Воспринятый текст предоставляет реципиенту возможность начать собственный процесс смыслопорождения на основе воспринятой информации.

С целью верификации регулятивного характера эмоций в переводческой деятельности нами проанализирован поэтический текст исполнителя Walter de la Mare «Silver» и его перевод на русский язык «Серебряное», выполненный профессиональным переводчиком. Выбор поэтического текста обусловлен тем, что в поэзии эмоциональный компонент актуализируется с наибольшей интенсивностью. Тексты исследованы с применением методики выявления доминантных смыслов, разработанной В. А. Пищальниковой, и элементов компонентного анализа.

В стихотворении Walter de la Mare «Silver» актуализируется эмоция умиротворенности и мистической таинственности. Повествуемые события происходят в ночное время суток: «*the moon walks the night*» (*night*: the dark part of each 24-hour period, when the sun cannot be seen) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 700). Все мистические явления случаются, как правило, ночью, когда яркий солнечный свет сменяется лунным. В исследуемом поэтическом тексте лунный свет заливают представленный поэтом пейзаж: «*walks... in her silver shoon*» (*silver*: 2. Of the colour of silver) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 979). Свет этот, очень яркий, серебристый и одновременно холодный, интенсивно освещает описываемый автором природный ландшафт (*silver fruit, silver trees, water gleam, silver stream*), присутствующих в тексте животных (*the dog, doves, mouse, fish*), а также разного характера хозяйственные постройки (*silvery thatch, casements, kennel*). Абсолютно все упомянутые в тексте животные присутствуют в сонном состоянии (*sleep*: natural resting state of unconsciousness of the body) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 989). Состояние сна подчеркнуто акцентируется как бессознательное, когда все органические процессы у живых существ находятся в состоянии заторможенности. Представленные субъекты присутствуют без малейшего движения (*the dog sleeps like a log; moveless fish*). Глубокий сон собаки актуали-

зируется с помощью метафоры *sleeps like a log* (*log*: a thick unshaped piece of wood from a tree) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 616). Метафорическое сравнение *like a log* акцентирует бессознательность и неподвижность живого существа (собаки), погруженной в глубочайший сон, выразительно репрезентируя сравнение ее с неодушевленным предметом (бревном), которое изначально по своей природе в принципе не может проявлять никаких признаков активности. Доминантная эмоция покоя и отсутствия активности репрезентируется также на лексическом уровне при описании перемещения луны ночью: «*slowly, silently, now the moon walks...*» (*silence*: absence of sound, complete quiet) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 978); (*slow*: not moving, acting or happening quickly; having less than a usual or average speed) (Longman Dictionary of Contemporary English, 1992, p. 992). Лексемы *slowly* (медленно), *silently* (тихо, бесшумно) имеют в своей семной структуре актуализированный общий компонент, а именно сему отсутствия, низкой интенсивности какого-либо признака. Луна, передвигающаяся тихо и беззвучно, плавно и незаметно заливает все предметы и явления серебристым светом, в результате чего и все присутствующие животные, и предметы, и природные явления приобретают характерный признак ночного лунного света — серебряный: у спящей собаки серебряные лапы (*paws of silver*), сон голубки характеризуется как *silver-feathered*, буквально в «серебряных перьях». Единственным живым существом, не погруженным в состояние глубокого сна, представляется полевая мышка, которая активно занимается своими делами (возможно, поисками еды). Но активную мышку лунный свет также наделил мистическими, таинственными чертами, у нее по тексту произведения серебряные коготки и отливающие серебром зрачки. Таким образом, эмоционально-смысловая доминанта спокойствия, умиротворения, медлительности и неподвижности находится в диссонансе с лексическими единицами, репрезентирующими активные действия мышки (*mouse goes scampering by*), которая достаточно проворно перемещается в ночи, нарушая своими действиями замершее природное спокойствие. На рисунке 1 изображена эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver».

Доминантная эмоция спокойствия и умиротворения является амбивалентной, поскольку коррелирует с производной эмоцией подвижности и активности. Эмоции текста фиксируют его доминантные смыслы, являясь важным компонентом структуры этих самых смыслов. На рисунке 2 представлен доминантный личностный смысл анализируемого поэтического текста с его лексическими репрезентантами.

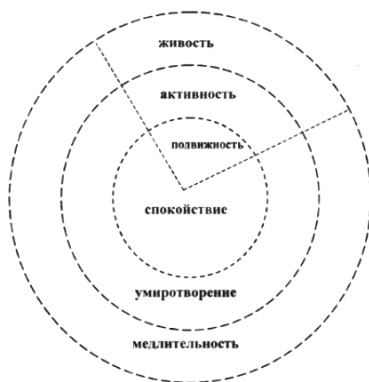

Рис. 1. Эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver»

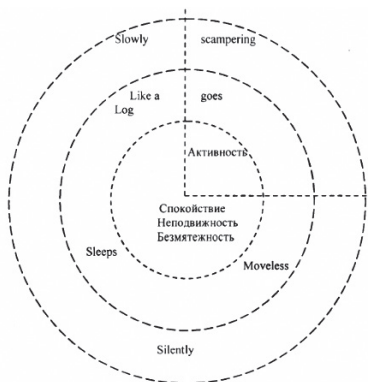

Рис. 2. Доминантный личностный смысл поэтического текста «Silver»

Текст перевода «Серебряное» представлен на русском языке профессиональным переводчиком Г. Симанович.

Уже в первых строках переводного текста нивелируется актуализация спокойного и безмятежного перемещения луны (в тексте перевода представлена лексема «*месяц*»), напротив, во вторичном тексте репрезентируется ритмичность, последовательность, повторяемость представленных действий «*месяц... ходит и ходит*». На наш взгляд, подобная переводческая замена не совсем обоснована, поскольку в исходном тексте перемещение луны репрезентировано лексемой *walks* (*гулять, прогуливаться, прохаживаться*), которая не содержит признака повторяемости, а наоборот, подчеркивает плавный, спокойный, медлительный характер перемещения природного объекта. Выбор переводчиком указанного эквивалента, возможно, обусловлен видовременной формой Simple Present, использованной в тексте оригинала (*walks, pees, sees...*). Лексеме оригинального текста *moon* в русском языке соответствует два варианта: «*луна*» и «*месяц*». Выбор в тексте перевода вышеназванной лексемы «*месяц*» обусловлен, вероятно, прежде всего тем фактом, что для большинства носителей русского языка представленные варианты являются по своей сути взаимозаменяемыми. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря (1994) лексема «*месяц*» является одной из наиболее частотных реакций на стимул «*луна*» и, соответственно, наоборот. Вместе с тем сопоставление рассматриваемых ассоциативных рядов отчетливо демонстрирует, что наиболее частотными реакциями на стимул «*луна*» являются следующие: жел-

тая, полная, месяц, ночь, блестит, тишина, светлая, темно, светит, небо, яркая, печальная, холодная; на стимул «месяц» в словаре представлены реакции: *серебряный, гулять, ясный, выплыл, луна, серебристый, день, светит, яркий, небо, ночь, желтый*. Информация, представленная в ассоциативном словаре, убедительно показывает, что именно с месяцем у носителей русского языка ассоциируются лексемы «*серебристый, серебряный, гулять, выплыл*», необходимые для адекватного восприятия доминантного смысла анализируемого поэтического текста. Луна, согласно данным ассоциативного словаря, в первую очередь желтая по своей цветовой гамме. Этот факт противодействует использованию указанной лексики в тексте перевода. Описываемые в поэтическом тексте действия происходят ночью, которая характеризуется как «*непроглядная*» (о тьме, мраке: *непроходимый*) (Ожегов, 1993, с. 421). В тексте актуализируется признак темноты, подчеркивается мрак описываемого времени суток, невозможность что-либо рассмотреть. Но с появлением серебряного месяца картина меняется «... *чуть он задержит серебряный взгляд*» (*серебряный*: 2. Блестяще-белый, цвета серебра. *Свет луны; взгляд*: 1. Направленность зрения) (Ожегов, 1993, с. 738). Лексическая единица *взгляд* передает лексемы оригинального текста *peers and sees* (*выглядывает и смотрит*). Метафора переводного текста *серебряный взгляд* образована способом ассоциативного переноса по цвету (серебра). Общеизвестно, что метафора как стилистический прием является одним из наиболее продуктивных способов смыслопорождения. Как и любой другой знак, так или иначе связанный с каким-либо компонентом концепта, метафора способна в целом актуализировать его структуру. «*Серебряный взгляд*» — это ледяной, мертвенный взгляд, под этим взглядом все описываемое в тексте становится серебряным, безжизненным (*сад серебрится; серебрится в лучах занавеска; пес в серебре; серебряноперьевая шубка; в серебре коготки; серебром отливают зрачки; рыба горит чешуей серебристой*). Стоит отметить, что помимо лексики *серебряный* в тексте перевода также встречаются слова *серебристый, серебрится* (*серебристый*: 1. Цвета серебра, отливающий серебром, с серебряным оттенком, отливом; *серебриться*: 1. Становиться серебристым. 2. О серебряном, серебристом: виднеться) (Ожегов, 1993, с. 737).

Лексема *серебристый* актуализирует гораздо большую интенсивность, активное мерцание цвета, его яркость (что-либо с отливом) в сопоставлении с лексемой *серебряный* (цвета серебра), фиксирующей признак предмета. В тексте оригинала указанные оттенки значения отсутствуют. В тексте перевода используется авторский окказионализм «се-

ребряноперьевая» шубка, который передает лексему оригинала *silver-feathered* весьма искусно. Однако в исходном тексте *silver-feathered* используется для характеристики сна птиц (*in a silver-feathered sleep*), тогда как в переводе происходит конкретизация (*сон о серебряноперевой шубке*). Признаком *серебряный* наделяется уже не процесс сна в целом, а отдельное видение о шубке.

Строка оригинала *Silver fruit upon silver trees* (буквально «серебряные фрукты на серебряных деревьях») передается как «Сад серебрится и вишни горят» также путем конкретизации: в тексте оригинала говорится о фруктах на деревьях, о саде, в тексте перевода фруктовые деревья заменены переводчиком на вишни, конкретные деревья. Однако словосочетание «вишни горят» привносит диссонанс в эмоционально-смысловую структуру анализируемого текста, поскольку никоим образом не соотносится с цветом серебра. Данные ассоциативного словаря свидетельствуют о том, что реакции на стимул «гореть» представлены следующими языковыми единицами: *топливо, огонь, пламя, пыл*. Огонь прежде всего ассоциируется с ярко-красным, алым цветом, светом пожара (Русский ассоциативный словарь, 1994, с. 102]. Темно-красный, бордовый цвет вишни диссонирует с серебристым, безжизненным цветом как противоположный — горячий, несущий в себе движение, активность и жизнь. В переводе указанной строки присутствует также генерализация: фраза *Silver fruit* передана переводчиком «сад серебрится». При этом сочетание лексем *Silver fruit* (буквально *серебряные фрукты*) текста оригинала представляет признак предмета, в то время как в тексте перевода актуализируется действие, активность, репрезентированные глаголом «серебрится».

В последней строке текста перевода «Рыба горит чешуей серебристой» еще более акцентировано противопоставление активности, жизненной энергии и мертвого бледного цвета: горит, но не традиционным ярким, красным, живым светом, а холодным, мертвым, спокойным, безжизненным. В исходном тексте указанная амбивалентность цвета отсутствует «*moveless fish in the water*».

Строка исходного текста «... *the casements catch her beams*» (буквально «окна ловят ее лучи») передается в переводе «жмурятся окна от лунного блеска», что дополнительно актуализирует яркость, ослепительность света луны. При этом лексема *her* текста оригинала свидетельствует о том, что автор репрезентирует луну как живое существо. Это дополнительно коррелирует с метафорой переводного текста «жмурятся окна», где окна также приобретают признаки живого организма. Глубокая безмятежность и спокойная погруженность в сон актуализируются лексемами

безмятежно, неподвижна: «*пес безмятежно ... спит и не знает; неподвижна в протоке*». Таким образом, указанный компонент смысла текста оригинала в переводе сохраняется. Так, эмоционально-смысловая доминанта поэтического текста «Silver» репрезентирована в переводном тексте «Серебряное» с определенными изменениями. На рисунках 3 и 4 наглядно изображены фиксированная в тексте перевода доминантная эмоция и его доминантный личностный смысл.

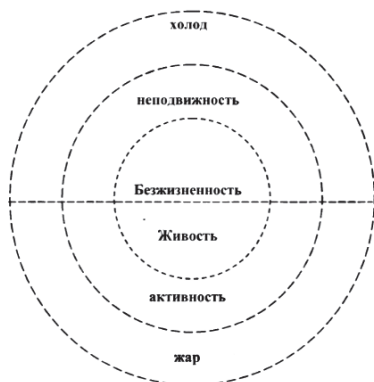

Рис. 3. Доминантная эмоция в переводном тексте «Серебряное»

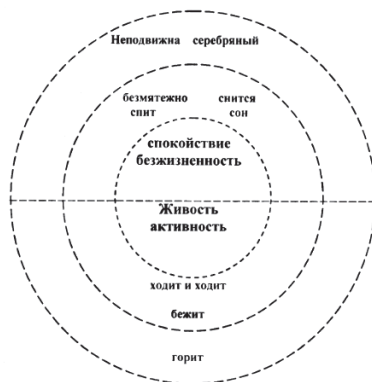

Рис. 4. Доминантный личностный смысл в переводе «Серебряное»

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что доминантная эмоция текста оригинала фиксируется переводчиком во вторичном тексте, но при этом дополнительно актуализируется ее амбивалентный характер. Производная эмоция активности, живости, движения в переводе приобретает интенсивный характер в результате цветового противопоставления. Вместе с этим в структуре концепта переводного текста компонент активности акцентируется по сравнению с доминантным смыслом текста оригинала. При этом репрезентация доминантных личностных смыслов производится сходными лексемами: *sleeps* — *спит, снится сон*; *moveless* — *неподвижна* и т. п.

Восприятие и понимание речевого произведения активно регулируется и направляется его эмоционально-смысловой доминантой. Исследования выявляют регулятивный характер эмоций также применительно к текстам перевода. Реципиент-переводчик не только воспринимает доминантную эмоцию текста оригинала, репрезентированную его лексическими единицами, но успешно реконструирует ее в рамках вторичного текста. В случае воссоздания эмоционально-смысловой доминан-

ты исходного текста в переводном его содержание будет адекватным смыслу оригинала.

Библиографический список

Буряков М. А. О влиянии этноспецифического фактора на выбор языковых средств выражения эмоциональных состояний // Филология и человек. 2015. № 3.

Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.

Галеева Н. А. Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997.

Изард К. Е. Эмоции человека. М., 1980.

Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Коростова С. В. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста // Филология и человек. 2015. № 3.

Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.

Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул, 1999.

Сорокин Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск, 1998.

Топка Л. В. Эмоциональная нестабильность: единицы вербализации // Филология и человек. 2018. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5086>

Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Eco U. The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington, 1984.

Stevenson Ch. Some Pragmatic Aspects of Meaning. Readings in Semantics. Illinois, 1974.

Источники

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994.

English verse in Russian Translation. XXth Century. Moscow, 1984.

Longman Dictionary of Contemporary English. Moscow, 1992.

References

Buryakov M. A. *O vliyanií etnospetsificheskogo faktora na izbor yazykovykh sredstv vyrazheniya emotsionalnykh sostoyaniy* [On Ethnospecific Factor's

Influence on the Language Means Choice of Emotional Conditions Expression]. In: *Filologia i chelovek*. [Philology & Human]. 2015. No. 3.

Belyanin V. P. *Psicholingvisticheskie aspekty hudozhestvennogo teksta*. [Psycholinguistic Aspects of Creative Work]. Moscow, 1986.

Galeeva N. L. *Osnovy deyatel'nostnoy teorii perevoda*. [Basics of Translation Theory]. Tver, 1997.

Izard K. E. *Emotsii cheloveka*. [Emotions of Man]. Moscow, 1980.

Kintsel A. V. *Psicholingvisticheskoe issledovanie emotsionalno-smyslovoy dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora*. [Psycholinguistic Research of Emotional Meaning Dominance as Text Making Factor]. Barnaul, 2000.

Korostova S. V. *K voprosu ob emotivnosti i emotsiogennosti russkogo hudozhestvennogo teksta*. [On Emotiveness and Emotiogenesis of Russian Creative Text] *Filologia i chelovek* [Philology and Man]. 2015. No. 3.

Myagkova E. Yu. *Emotsionalnaya nagruzka slova: opyt psicholingvisticheskogo issledovaniya*. [Emotional Sense of Word: Psycholinguistic Research]. Voronezh, 1990.

Pishchalnikova V. A. *Psichopoetika*. [Psychopoetics]. Barnaul, 1999.

Sorokin Yu. A. *Vvedenie v etnopsicholingvistiku*. [Introduction into Ethnopsycholinguistics]. Ulyanovsk, 1998.

Topka L. V. *Emotsionalnaya nestabilnost: edinitsy verbalizatsii*. [Emotional No Stability: Means of Verbalization]. In: *Filologia i chelovek*. [Philology & Human]. 2018. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/5086>

Shahovsky V. I., Sorokin Yu. A., Tomasheva I. V. *Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy (mezhkulturnoe ponimanie i lingvoekologia)*. [Text and its Cognitive-emotive Metamorphoses (Cross-cultural Understanding and Linguaeology)]. Volgograd, 1998.

Eco U. *The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington, 1984.

Stevenson Ch. *Some Pragmatic Aspects of Meaning. Readings in Semantics*. Illinois, 1974.

List of sources

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 1993.

Russkiy assotsiativnyy slovar'. [Russian associative dictionary]: Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. Moscow, 1994.

English verse in Russian Translation. XXth Century. Moscow, 1984.

Longman Dictionary of Contemporary English. Moscow, 1992.